

Журнал "Искатель"

№ 03,1966

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ж92

Ж92 Журнал "Искатель": № 03,1966 / – М.: Книга по Требованию, 2017. – 463 с.

ISBN 978-5-458-66589-6

«Искатель» — советский, затем российский журнал, публикующий фантастические, приключенческие и детективные произведения, научно-популярные очерки, а также художественную и учебно-развивающую литературу для детей от 2 до 14 лет. Основан в 1961 году, в год столетнего юбилея журнала «Вокруг света», как литературное приложение к последнему. Был анонсирован в 1960 году, в ноябре 1960 года должен был выйти первый номер, который был отменен. В первом вышедшем номере журнала были опубликованы напутственные статьи Михаила Шолохова и Ивана Ефремова. До 1997 года выходил шесть раз в год, затем стал ежемесячным. С 1996 года — независимое издание.

ISBN 978-5-458-66589-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Л. Лагин

ГОЛУБОЙ ЧЕЛОВЕК[1]

Главы из романа

Рисунки Н. КУТИЛОВА

Л. ЛАГИН

ГОЛУБОЙ ЧЕЛОВЕК

Главы из романа

13 января 1959 года, в ночь на «старый Новый год», советский молодой человек, рабочий одного из московских предприятий и студент-заочник Георгий Антошин удивительным путем попадает из социалистической

Москвы середины XX века в новогоднюю Москву 1894 года. В роман Л. Лагина «Голубой человек» описываются дела и переживания, встречи и думы Антошина за те несколько месяцев, которые он провел в старой, дореволюционной Москве времен зарождения организованного рабочего движения.

Когда Георгий Антошин впоследствии пытался восстановить в памяти подробности своего удивительного Старого-Нового 1959–1894 года, ему в первую очередь вспоминалась Большая Бронная улица, какой он ее впервые увидел, выйдя из мрачных ворот домовладения жены коллежского советника Екатерины Петровны Филимоновой. Пожалуй, самым поразительным было то, что на первый взгляд она почти ничем не отличалась от той Большой Бронной, какую он знал до своей роковой ссоры с Галкой Бредихиной. Разве только что вывешенные по поводу табельного дня трехцветные царские флаги да вывески с дикими деталями — фамилиями владельцев торговых заведений. Антошин на-

рочно проделал такой знакомый ему по вчерашнему вечеру путь — по Большой Бронной направо, до Пушкинской площади (теперь она называлась по-старому Страстной), потом по площади направо, до внешнего проезда Тверского бульвара, и снова направо по этому проезду, до того невзрачного здания, где еще вчера вечером — в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году — помещался кинотеатр «Новости дня», и на всем этом пути он не встретил ни одного дома, которого не видел бы вчера.

Но памятник Пушкину стоял теперь на своем первоначальном месте, в самом начале Тверского бульвара. По левую руку бронзового Пушкина, в знакомом трехэтажном доме с нелепым бельведерчиком поблескивала большими цветными шарами знакомая ему с детства аптека. Но теперь она принадлежала не государству, а хозяину, частнику. По правую руку, на внутреннем проезде Тверского бульвара, где потом был многоэтажный дом с магазином «Армения» на углу, высилась церковь святого Дмитрия Солунского с красивыми

широкими ступеньками. А там, где Антошин привык видеть новый просторный сквер с фонтанами у памятника Пушкину, закрывала горизонт приземистая громада Женского Страстного монастыря, окруженная толстой округлой крепостной стеной, из-за которой там и сям торчали голые верхушки деревьев.

На проезжей части площади, ближе к аптеке, темнел на фоне свежесвыпавшего снега павильон городской конной железной дороги. Под его навесом на полированной деревянной скамье спасались от порывистого ветра несколько приезжих в лаптях, с котомками за плечами. Прогромыхала, глухо тенькая колокольчиком, двухэтажная конка с вывеской во всю ее длину: «Коньяк Шустова». На империале спиной к ветру, втянув в поднятый воротник голову в потертой мерлушковой шапке пирожком, сидел одинокий пассажир. Его унылая, скорчившаяся в три погибели фигура была как бы окантована снегом. Что заставило его забираться в такую мерзкую погоду на открытый всем четырем ветрам империал? Экономия (две копейки разницы против сто-

имости проезда внутри вагона)? Тяга к одиночеству? Потребность проветриться после бурно проведенной новогодней ночи?

Улицы, бульвар, площадь были равно пустынные и тихи. Табельный, неприсутственный и нерабочий день еще только начинался. Москвичи отсыпались. Лениво протрюхал извозчик: узенькие, похожие на игрушечные сани, покрытые облезлой полостью, невидная лошадка с ленточкой, вплетенной в жиденскую гриву по случаю праздника, точь-в-точь такой же, как десятки извозчиков, которых Антошин перевидал в кинофильмах и в иллюстрациях к сочинениям Льва Толстого, Антона Павловича Чехова. Маячил на углу, переминаясь с ноги на ногу, озябший городской, первый городской, которого Антошин увидел не на экране, а в жизни, в натуральном виде. Коренастый, массивный, в черной шинели с погонями из крученого красного жгута, с красным шнуром-аксельбантом, который кончался защелкой на рукоятке торчавшего из черной кобуры револьвера. На городском была круглая, черная и низкая барашковая

шапка с разлапистым позолоченным знаком.

Скамейки вокруг памятника Пушкину были покрыты пухлыми снежными перинками, чистенькими, свежими, немятыми. С тех пор как начал ночью падать снег, на них еще никто не сидел. Кроме одной. Кто-то смёл на ней краешек и, видно, не очень давно ушел, потому что сиденье в этом месте было только слегка припущено снегом. А сбоку, возле самого края скамейки, валялась сложенная

вчетверо газета... «Ведомости московской городской полиции»!

Когда-то в далекие детдомовские годы руководитель их политкружка, старая коммунистка Александра Степановна Беклемишева, лично водила юного Антошина — признанного главу детдомовских «историков-марксистов» — в Старосадский переулок, в Историческую библиотеку. Они поднялись с нею на пятый этаж, в газетный отдел, и Александра Степановна сама подобрала для своего любимца несколько комплектов старых московских газет. Несколько воскресных дней Антошин с утра до вечера (с перерывом на обед у Александры Степановны) листал хрусткие газетные комплекты, огромные, громоздкие, неудобные, в дешевых и некрасивых картонных переплетах. Он прочел в них уйму «Дневников происшествий» и объявлений, выписывал самое интересное, и это ему здорово помогло, когда он, пунцовый от горделивого волнения, делал на кружке сообщения «О характерных фактах московской жизни времен зарождения организованного рабочего дви-

жения».

Многого Антошин тогда в тех газетах не понимал, многое было ему хоть и понятно, но неинтересно.

Теперь Антошину предстояло читать одну из тех газет не в качестве самодеятельного историка, а как ее современнику.

* * *

По старой памяти он начал с «Дневника происшествий».

«Тридцатого декабря, — прочитал он, застревающая с непривычки на незнакомых буквах «ять» и «фита», — в доме Берга на Маросейке был усмотрен повесившийся запасный рядовой, из крестьян, Федор Владимиров, 34 лет. Покойный злоупотреблял спиртными напитками, что, вероятно, и послужило причиной к самоубийству.

В тот же день в Старо-Екатерининской больнице умерла учительница Ольга Игнатьевна Самойлова, 30 лет. Смерть последовала от отравления карболовой кислотой, которую Самойлова приняла, проходя по Третьей

Мещанской улице. Покойная последнее время находилась без занятий, была очень задумчива и не раз говорила домашним о желании покончить с собой.

В тот же день в приемный покой Мясницкой части доставлен был поднятый на улице неизвестный мужчина в болезненном состоянии, с отмороженными руками, который, успев назвать себя крестьянином Корчевского уезда Федором Марковым, 47 лет, вскоре умер.

Того же числа были подкинута́ты младенцы: к воротам дома Бородина в Головиной переулке младенец мужского пола; в коридоре при конторе смотрителя Мясницкой части — женского пола, с запискою: «Крещена, звать Татьяной», и на парадное крыльцо квартиры мещанина Федорова, в доме Маманина на Цветном бульваре, — также женского пола, с запискою: «Крещена, звать Домною». Подкинутые младенцы отправлены в воспитательный дом.

Из Перми сообщали, что в здешнем городском театре устроено электрическое освеще-

ние, которое предполагается распространить и на ближайшие улицы.

Из Санкт-Петербурга сообщали, что министр юстиции Макасеин уволен от должности по расстроенному здоровью и назначен членом Государственного совета с пожалованием ордена Александра Невского с бриллиантами, а государственный секретарь Муравьев назначен управляющим министерством юстиции. Товарищ министра внутренних дел Плеве назначен государственным секретарем... Управляющий министерством государственных имуществ Ермолов утвержден министром государственных имуществ.

Обер-прокурор Святейшего синода Победоносцев пожалован в статс-секретари.»

* * *

— Газетку читаем, землячок?

Антошин оглянулся. Справа от него пристроились на скамейке двое молодых людей — гимназист и студент. Оба в форменных шинелях и фуражках, свежие, оживленные, добродушные и любопытные.